

— Как вы относитесь к тому, что бразды правления Великой Чу захватили чужаки?

Вопрос прозвучал дерзко и на редкость прямолинейно.

С давних пор простые люди держались как можно дальше от дел державных, опасаясь навлечь на себя гнев сильных мира сего. Задавая подобный вопрос, Шэнь Чжияй преследовал две цели. Во-первых, он желал проверить смелость сидевших перед ним мужей, заглянуть в самые потаенные уголки их душ и понять их истинные помыслы. Во-вторых, Главный советник твердо знал: даже если эти речи дойдут до ушей Юань Чэ, тот не разгневается. Уж точно нет.

Вэнь Цзыюань нарушил тишину:

— Господа, вы можете обсудить это между собой.

После недолгой сумятицы и перешептываний один из гостей поднялся со своего места, сложил ладони в вежливом поклоне и выступил вперед:

— Господин Вэнь, этот ничтожный считает, что засилье иноземцев у кормила власти попирает сами законы мироздания. Сие бедствие куда страшнее, чем былые бесчинства временщиков из числа императорской родни или засилье коварных евнухов.

От волнения его лицо залило густой краской, и он низко опустил голову, не смея поднять глаз:

— Ведь чужеземцы несут с собой не просто смуту и чехарду правителей. Они подтачивают наши устои, ломают вековые законы и смешивают их со своими обычаями. Поначалу это кажется маловажным, но не пройдет и сотни лет, как живущие на этой земле люди напрочь позабудут свои корни.

В этих рассуждениях крылось немало любопытного. Иноземное владычество, без сомнения, было несмыслаемым позором для Великой Чу и императорского клана Ли. Обычную смену династий еще можно было перетерпеть, но теперь на престоле восседал варвар. Горы Татеса испокон веков разделяли Серединные равнины и бескрайний Север. Облик северян, их повадки и нравы разительно отличались от привычек местных жителей. Сложившие жизнь на возделывании земли южане в глубине души презирали кочевников, считая их дикарями, не знающими грамоты и живущими лишь грабежами да набегами.

Вэнь Цзыюань растерянно моргнул и украдкой покосился на Шэнь Чжияя, силясь угадать его мысли.

Главный советник сидел поодаль, подперев ладонью подбородок. Его лицо тонуло в густой тени, скрывавшей взгляд. Белоснежное одеяние плотно прилегало к шее, подчеркивая очертания горла. Иссиня-черные волосы свободно ниспадали на спину, и лишь одна прядь, заколотая изящной шпилькой с крупной красной яшмой, спускалась на плечо. В

колеблющемся пламени свечи багряный отблеск камня удивительно точно вторил алой крупнице киноварной родинки на его веке.

Разглядеть чувства на этом лице было невозможно — никому еще не удавалось проникнуть в помыслы Шэнь Чжиюя. Еще при покойном императоре каждый шаг Главного советника оказывался полной неожиданностью для его противников. Шэнь Чжиюй был рожден для великой игры, где ставкой служили жизни и судьбы государств.

— Брат?.. — едва слышно позвал Вэнь Цзыюань. — Что спрашивать дальше?

Шэнь Чжиюй безмолвно протянул ему очередной листок.

Вэнь Цзыюань принял его и зачитал вслух:

— Что же вы вкладываете в понятие «свои корни»?

— Отвечаю господину, — поспешил откликнуться давешний оратор. — Это то, что отличает нас от диких племен...

Вэнь Цзыюань оборвал его на полуслове, и голос его прозвучал неожиданно жестко:

— Вы хотите сказать, дело в чистоте крови?

Как зародилась пропасть между знатными родами и простым людом? Нынешняя аристократия во главе с четырьмя великими семействами — это лишь те, кому посчастливилось родиться в богатых колыбелях. Их высокие чины и сытая жизнь достались им не за личные заслуги, а по праву родства с предками, которые когда-то помогали императору Гао-цзу ковать победу. Опасаясь растерять свои привилегии с течением веков, эти семьи прибрали к рукам земли, подчинили себе пахарей и создали замкнутые учения, доступные лишь избранным. Они передавали должности по наследству, кичились древней родословной и скорее пошли бы на кровосмешение, нежели разбавили свою кровь союзом с безродными простолюдинами.

Чем же тогда отличалось высокомерное деление на «своих» и «чужих», о котором говорил этот книжник, от пресловутого сословного неравенства? Сейчас он был беден и безропотен, но если судьба улыбнется ему и вознесет на вершину власти, сохранит ли он чистоту помыслов?

Шэнь Чжиюй едва заметно улыбнулся. Ему хватило первой же фразы этого человека, чтобы насквозь разглядеть его натуру.

Вдруг из рядов вышел другой ученый муж:

— Позвольте молвить словечко, господин. Как думается мне, истинный порядок — это когда

государь крепок духом, а советники честны; когда чиновники правят с помощью кисти и разума, искореняя несправедливость и защищая сирых; когда воины несут дозор на рубежах, оберегая покой отчизны. В этом и кроются наши корни. Истинная беда иноземного владычества кроется вовсе не в том, что правитель рожден на чужбине.

Вэнь Цзыюань оживился:

— Вот как? И где же тогда?

— Будет ли государь милостив или жесток, рассудит не его имя или родословная, а то, сумеет ли он подарить подданным долгожданный покой. В стародавние времена Великие Мудрецы передавали престол достойнейшим, не заботясь о знатности рода. Тогда еще не знали ни титулов, ни венцов, — звучным голосом произнес говоривший. — Что же до споров о чистоте крови... Столкновение двух миров неизбежно, но в нем всегда побеждает лучшее. Культура Серединных равнин выстояла тысячи лет лишь потому, что в ее основе лежит истинная мудрость. Нам нечего страшиться слияния с чужаками.

Эти слова прозвучали столь убедительно, что многие из присутствующих одобрительно закивали, а кое-кто едва удержался от рукоплесканий.

Шэнь Чжияу с любопытством приподнял бровь.

Вэнь Цзыюань согласно закивал:

— Хорошо, весьма недурно. К слову, помнится, тебя зовут Нью Июн?

— Все так, господин, — отозвался тот.

Вэнь Цзыюань принял третий лист бумаги. Вопрос на нем продолжал мысль Нью Июна:

— Коль скоро благоденствие Поднебесной зиждется на мире и покое, то какие силы, по вашему разумению, сейчас ведут борьбу в Великой Чу? И кто из них способен принести стране желанный мир?

Едва дочитав до конца, Вэнь Цзыюань сам обомлел и с нескрываемым испугом уставился на кузена.

В зале повисла звенящая тишина. Гости торопливо повскакали со своих мест и низко склонились, не смея поднять глаз. Одно дело — размышлять о достоинствах правителя, и совсем другое — прямо указывать на того, кто должен занять престол. Подобные речи пахли плахой.

И пусть об этом не кричали на каждом углу, глупцов здесь не было. На престоле Великой Чу сегодня восседал северный чужак, но в глубине вод бушевали яростные течения. При дворе все еще заправляли четыре великих семейства, а на границах затаились князья-вассалы, готовые в любой миг вонзить клыки в ослабевшую столицу.

Не стоило забывать и о самом Главном советнике, про которого в народе шептались, будто он отвернулся от нынешнего государя, дабы возвести на трон законного наследника прежней династии. Ни одна из этих сил не отличалась кротостью.

Пока между ними сохранялось зыбкое, хрупкое равновесие. Император нуждался в столичной знати для управления государством, а князья-вассалы не решались идти на столицу, опасаясь потерять законные основания. Однако все понимали: этот покой ненадолго. Рано или поздно плотину прорвет.

Вэнь Цзыюаня бросило в холодный пот, по спине побежали мурашки. Однако Шэнь Чжияй остался безучастен к его безмолвной мольбе, лишь едва заметным жестом велел читать дальше.

Юноша напустил на себя степенный вид и с унылым лицом продолжил:

— Не стоит пугаться, господа. Коль скоро вас созвали в эту обитель, вы и сами прекрасно понимаете почему. Мне чужды пустые увертки, а потому я предпочитаю говорить прямо.

Разумеется, простодушный Вэнь Цзыюань не разглядел скрытой ловушки в этих словах. Шэнь Чжияй виртуозно сочетал мягкость с угрозой. С одной стороны, фраза звучала ободряюще — дескать, не принимайте близко к сердцу, это лишь досужие разговоры. Но с другой, в ней крылось недвусмысленное предупреждение: раз уж вы ступили на эту палубу, извольте хранить верность и не смейте оглядываться назад.

Предупреждение подействовало — ответы посыпались один за другим. Собравшиеся принялись наперебой рассуждать о том, что столичные кланы, веками обиравшие простой народ ради собственной наживы, и привели прежнюю династию к краху, а потому доверять им власть нельзя ни в коем случае. Князей-вассалов они и вовсе окрестили стяжателями и предателями: те и пальцем не пошевелили, когда Желтые повязки грабили столицу. Окажись они у власти — народу придется солоно.

Что же до нынешнего императора и законного наследника прежней династии, тут мнения разделились. По праву крови престол должен был принадлежать сироте царского рода, но у этого юного высочества не было ни преданного войска, ни верных слуг — лишь лишенный былого могущества Главный советник. С такой опорой трон не вернуть.

Ню Июн вновь поднял руку:

— Позволю себе заметить, что сейчас определить победителя невозможно. От государя

требуется куда больше, чем прославляемое в веках милосердие. Порой излишне мягкий правитель губит страну своей слабостью, позволяя коварным царедворцам прибрать власть к рукам, а внешним врагам — разорить пределы государства.

Разговор продолжался еще долго. Шэнь Чжиюй незаметно направлял беседу, заставляя гостей спорить и раскрывать свои истинные мысли. Лишь глубокой ночью, когда стрелка часов приблизилась к третьему часу, Главный советник велел отпустить утомленных гостей.

Вэнь Цзыюань, хоть и сидел рядом все это время, так и не уловил сути расспросов. Как только за последним гостем закрылась дверь, он ухватил Шэнь Чжиюя за рукав и заискивающе заглянул ему в лицо:

— Брат, неужто это всё? Ну скажи, кто из них тебе приглянулся?

— Выбираю не я, — Шэнь Чжиюй мягко потрепал кузена по макушке. В его негромком голосе сквозила усталость. — Те, кто вернется к тебе в течение трех дней... запиши их имена и передай мне. Сегодня ты славно потрудился.

Вэнь Цзыюань просиял:

— Пустяки, брат!

Ню Июн не спеша шел по крытой галерее в окружении товарищей. Те наперебой поздравляли его, твердя, что сегодня он превзошел всех. Его речи пришлись по душе младшему господину Вэню, а значит, скорое назначение и блестящая служба ему обеспечены. Некоторые в шутку уже кланялись Ню Июну, величая его «господином» и умоляя не забывать старых друзей, когда он взлетит на самую вершину.

Ню Июн был еще молод и горел желанием прославить свое имя в веках. Лестные речи кружили голову, словно хмельное вино. Шаги его сделались легкими, и он, смущенно улыбаясь, без конца кивал в ответ.

Однако стоило им дойти до перекрестка и распрощаться, как налетевший порывом ледяного ветра воздух разом выстудил его разгоряченное тело. Оставшись в одиночестве, Ню Июн почувствовал, как к горлу подступает липкий страх. Все произошедшее этой ночью казалось ему глубоко неправильным.

Обычно отбор на государственную службу сводился к проверке родословной да оценке изящества слога в стихах и трактатах. Зачем же господину Вэню понадобилось расспрашивать их о судьбах трона и мятежах?

К тому же, голос господина Вэня вовсе не звучал слабым или болезненным. К чему была эта ширма? Какая тайна скрывалась за сегодняшней беседой?

Ню Июн зябко поежился, плотнее закутался в старый, латаный халат и поспешил домой.

На черепичной крыше неподалеку замер темный силуэт. Убедившись, что юноша удаляется, тень бесшумно скользнула следом. На ходу незнакомец выхватил из-за голенища острый нож, чье лезвие зловеще блеснуло в лунном свете.

Но не успел он сделать и нескольких шагов, как из ночной тьмы беззвучно выросла чужая рука. Удар был нацелен в самое уязвимое место! Одетый в облегающий черный наряд преследователь оказался не промах — уклонился в сторону за мгновение до того, как его настиг свист чужого клинка. Едва слышно выругавшись, он вскинул голову и обомлел, узнав нападавшего.

Поняв, что дело принимает скверный оборот, лазутчик бросился наутек. Однако Елюй Лу не зря провел пять ночей в засаде, выслеживая полуночного гостя. Упускать добычу он не намеревался.

Для Елюй Лу ночная темень была родной стихией, и уйти от него незамеченным не мог никто. Сорвав с плеча короткий лук, он привычным движением наложил стрелу на тетиву.

Раздался резкий свист.

Стрела с тихим шорохом рассекла воздух и вонзилась точно в плечо беглеца. Тот рухнул на землю с глухим стоном.

Елюй Лу умышленно не стал бить наповал — иначе стрела давно торчала бы в груди несчастного. Подойдя ближе, он перевернул раненого лицом к небу и рывком сорвал с него маску.

В следующую секунду лук выпал из рук воина. На висках Елюй Лу вздулись жилы, он мертвой хваткой вцепился в воротник пленника и сквозь зубы процедил:

— Вэнь... Цзы... юань!

Дорога отняла немало сил, а едва ступив на землю, Главный советник без промедления отправился в резиденцию Вэнь. Лишь когда все дела были улажены и он наконец вернулся под крышу собственного дома, небо на востоке начало светлеть.

Решив, что воспитанники давно спят, Шэнь Чжияй не стал их тревожить. Он бесшумно прокрался в свои покои, сбросил верхнее платье и облачился в тонкие спальные одежды, надеясь урвать хотя бы час отдыха до рассвета.

Однако стоило ему коснуться подушки, как вместо желанного сна его настиг очередной приступ удушающей боли в груди. Холодный пот мгновенно пропитал тонкую ткань сорочки. Задыхаясь, Шэнь Чжияй поднялся с постели, чтобы нащупать склянку со снадобьем, но в темноте больно ударился голенью об оставленный посреди комнаты табурет. Равновесие было потеряно, и он неминуемо рухнул бы на пол, если бы его пальцы судорожно не вцепились в чье-то крепкое предплечье.

Рука? Но кто мог находиться в его спальне в столь поздний час?

Раздался тихий щелчок.

В темноте вспыхнул огонек огнива, выхватив из мрака полог кровати и очертания мужской фигуры. Шэнь Чжияй обомлел: перед ним стоял человек, бережно державший в ладони заветный флакон с лекарством.

Встретившись с ним взглядом, гость негромко спросил, и в голосе его послышался упрек:

— Шэнь Чжияй... давно ли тебя терзают эти боли?

<http://bllate.org/book/20512/2185866>